

П.Н. Столпянский

Старый Петербург

**Адмиралтейский остров. Сад
трудящихся**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Столпянский**
Старый Петербург: Адмиралтейский остров. Сад трудящихся / П.Н. Столпянский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 192 с.

ISBN 978-5-458-06104-9

Историко-художественный очерк.

ISBN 978-5-458-06104-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

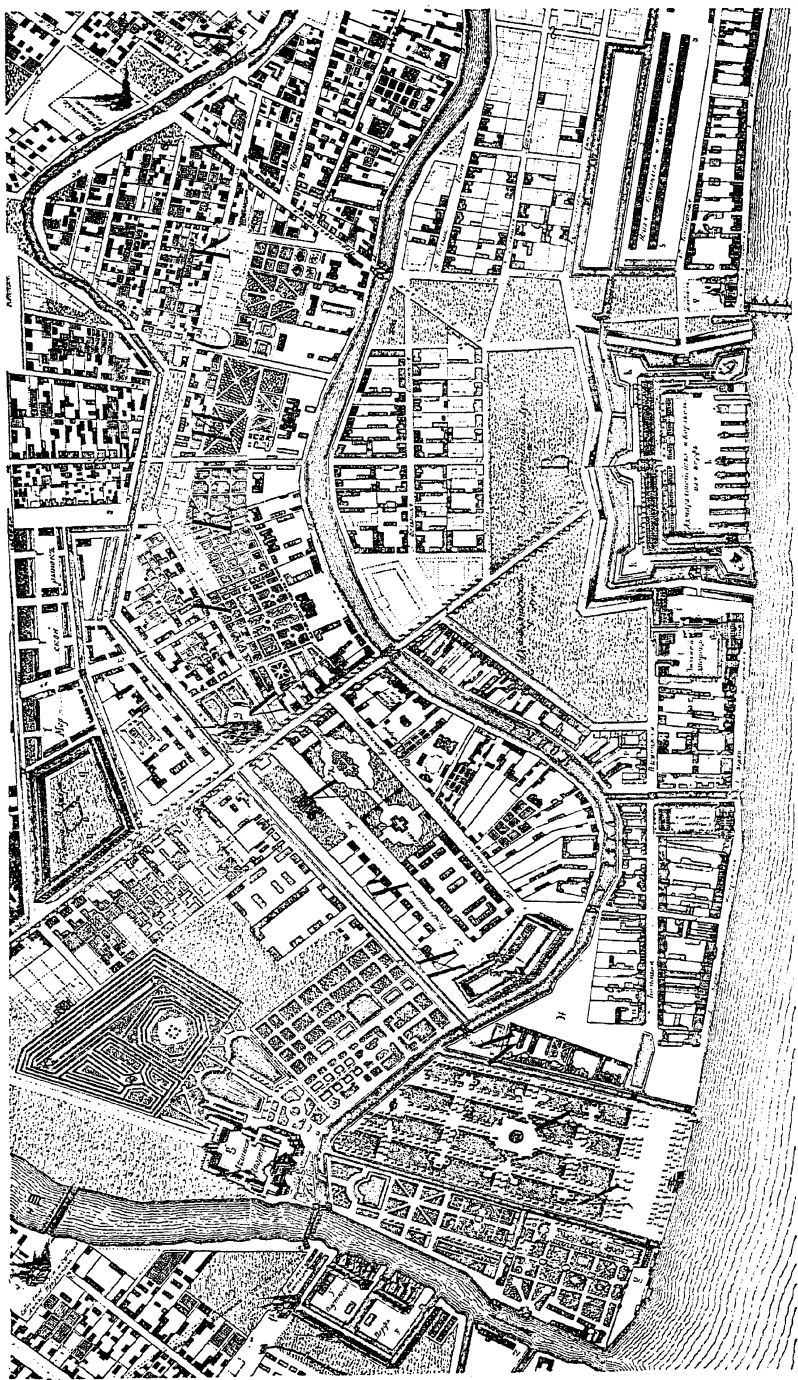
www.samizday.ru/reprint

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Эта книжка — третья из первой серии моих работ по Старому Петербургу. Первая серия должна носить общее название: Старый Петербург. Адмиралтейский остров и состоит из четырех книжек: 1) Площадь жертв революции, 2) Дворец Искусств, 3) Сад Трудящихся и 4) Дворец Труда. — Случайные обстоятельства заставили пачать выпуск в свет с конца серии: «Дворец Труда» уже вышел, «Сад Трудящихся» только что появляется, остальные книжки уже сданы в печать. Таким образом, центральная часть Петербурга имеет достаточное количество материалов для своей истории.

И при составлении этой книжки я преследовал те же две цели, о которых я говорил уже: именно — дать строго проверенные материалы в легкой доступной большинству форме. 538 ссылок на материалы в этой книжке говорят сами за себя.

И. Столянский.

План Адмиралтейского острова 1753 года.

Предметом нашего обследования будет, как видно и из приложенного при сем плана, незначительный, можно сказать, даже миниатюрный уголок Петербурга, уголок, на котором возвышается столь прославленная Пушкиным «адмиралтейская игла» и разбит бывшей Александровский сад, получивший в настоящее время новое название—«Сад Трудящихся». Но, несмотря на свою миниатюрность, этот уголок Петербурга заслуживает большого внимания. и его история включает в себе не одну страницу, полную захватывающего интереса, и современный петроградец, проходя по этой местности, даже не подозревает о тех переменах, которые она испытала за прошедшие 200 с небольшим лет...

На шведских картах XVII века на месте нынешнего Адмиралтейства показана какая-то деревушка; эта деревушка значителен также без названия и в той переписной окладной книге, которая сохранилась от старого Новгорода и от 1500 года дошла до нашего времени. Приведа «Великий Новгород во всю волю свою», Иоанн III, московский царь, потребовал в январе 1498 года от новгородцев дани. Для определения размера этой дани необходимо было сделать «перепись», определить количество земли и населения, которое нужно было обложить данью. На наше счастье сохранилась от 1500 года такая вторая по времени первая перепись была в 7004 году от сотворения мира, т.-е. в 1496 году) переписная окладная книга, которая была издана Московским Обществом Истории и Древностей Российских и переиздана Археографическою комиссиею. И вот в этой-то переписной книге мы отыскиваем, что на месте нынешнего Адмиралтейства была довольно большая безыменная деревня, в ней заключалось «пять дворов и семь душ мужского пола, сена косили 90 копен, а хлеба сеяли 18 коробей». Домики деревни ютились по берегу Невы, где пролегал проезжая тропа, ведущая от дельты Невы на старую новгородскую дорогу; вокруг этой деревушки, конечно, был уже вырублен лес, распаханное поле, словом, местность не была обычным болотом, а являла неко-

торые следы культуры. На таком месте было болсе легко возводить солидную постройку. Это обстоятельство, видимо, привлекло внимание Петра Великого, когда он подыскивал на нынешнем Адмиралтейском острове подходящее место для будущего Адмиралтейства ¹⁾. Вообще нужно помнить, что большая часть значительных петровских сооружений закладывалась на тех местах, где при шведском владычестве были какие-нибудь постройки, усадьбы, деревни и т. п.; места эти, как до известной степени обработанные, считались более пригодными для поселения. И, выбирая место для устройства Адмиралтейства, Петр Великий даже не сделал промера в реке: у Адмиралтейства тянется узкой полосой отмель, над которой глубина воды не превышает 3 футов; эта отмель, конечно, делала большие затруднения при спуске судов, но все же это затруднение игнорировали во имя тех удобств, которые были от нахождения здесь деревушки.

И вот 5 ноября 1704 года ²⁾ «заложили Адмиралтейство и были в Остерип (астерия, трактир) и веселились, длина 200 сажен, ширина 100 сажен» — такую пометку мы находим в журнале Петра Великого. Как веселились, к сожалению, журнал Петра Великого не указывает, но у нас имеются известия о других петровских весельях, причем тот же журнал с точностью отмечает, что обыкновенно на другой день после веселья и сам Петр и его министры «принимали рвотное» ³⁾, а Берггольд в своем дневнике пребывания в Петербурге дополняет это чисто-медицинское сообщение картинкою следующего рода ⁴⁾:

«В продолжение обеда, хотя и пили только из рюмок, однакож, гости под конец до того опьянели, что большею частью и не помнили, как убрались с корабля. И немудрено: они сидели за столом с 4-х часов пополудни до 2-х часов утра и все это время непрерывно пили, так что, наконец, даже сам император едва мог стоять на ногах. Он, впрочем, объявил наперед, что в этот день намерен хорошенько напиться. Его королевское высочество (герцог голштинский, отец Петра III) должен был отечать на все тосты крепким венгерским вином, а потом не только сам за себя, но из дружбы к старшему Гессенскому, выпил еще несколько стаканов, кроме того, часто получал штрафные стаканы от императора, которому непременно хотелось напоить его и довести, как он говорил, до состояния пьяного немца. Вследствие этого его высочество так сильно опьянел, как ему никогда еще в жизни не случалось. Мы принуждены были под конец носить его, потому что он не мог более держаться на ногах, причем у него, как и у многих других, несколько раз начиналась рвота».

Дополнением к этому описанию может служить еще следующий счет с резолюцией Петра. Счет был подан 25 августа

1720 года за разбитую при спуске галер «Виктория» и «Констанция» посуду. Оказалось, что пьяными гостями было разбито: 78 бутылок, 7 рюмок больших хрустальных, 47 рюмок средних, 7 рюмок маленьких и 8 дюжины трубок. Резолюция — «записать в расход». Кроме того, пропало 5 шапчалов и салфетки; стоимость этих вещей предписано было «взять с тех, кто у надсмотрщиков вещей были»⁵⁾.

Надо полагать, что и при заложении Адмиралтейства веселее было в том же роде, — но веселее оказалось преждевременным, обстоятельства сложились так, что пришлось изменить и весь первоначальный план постройки Адмиралтейства. Этот первоначальный план был выполнен самим Петром, и под ним была следующая характерная надпись⁶⁾:

«Сей верфь делать государственным работниками или подрядом, как лучше, и строить по сему: жилья делать мазанками без кирпича; кузницы обе каменные в $\frac{1}{2}$ кирпича; амбары и сарай делать основу из бруса и амбары доделать мазанками, а сарай обить досками, только как мельницы ветряные обиты, доска в доску, и у каждой доски шпунт край обдорожить и потом писать красною краскою. От реки бить поженными сваями».

В этом петровском распоряжении особенно заслуживают внимания два обстоятельства — Петр Великий не настаивает на исполнении работ посылаемыми по наряду рабочими — «делать государственным работниками или подрядом» как лучше — таким образом, в самом начале постройки Петербурга принцип обязательности работы не особенно защищается Петром, а затем, хотя сарай Адмиралтейства и будут деревянным, но их нужно выкрасить красною краскою, под кирпич, т.-е. произвести тот же маскарад, который был допущен и с домиком Петра Великого на Петербургской стороне — деревянная постройка раскрашивалась под камень.

Первоначальное Адмиралтейство по плану Петра Великого должно было представлять из себя следующее: оно занимало участок земли тот же, что и теперь, длиной 200 сажен, шириною 100 сажен. Этот участок с трех сторон (кроме той стороны, которая прилегала к Неве) предполагалось окружить одноэтажным мазанковым зданием, передний фас которого имел бы в ширину 23 фута, а боковые 30 ф. Передний фас предполагался для разных мастерских; в боковом фесе (против нынешнего Зимнего дворца) думали устроить сарай в 350 футов длины для спуска канатов и такелажа и для помещения канатного и смоляного мастеров; в другом боковом фесе (против бывших сената и синода) проектировались амбары для мастеров мачтового, блокового, парусного и других. Наружные стены этих стросней не должны были иметь никаких проемов, а все окна и

двери выходили внутрь адмиралтейского двора, причем в 15 футомов от зданий расстояний проектировалось вырыть канал, длина которого по длинному фасу равнялась бы 45 футам, а по двум коротким по 25 футов. Пространство внутри этого канала, длиною в 100, шириною в 49 сажен, составляло собственно верфь, где и надлежало устроить 13 эллипсов для сооружения кораблей, три сарая для постройки более мелких судов и две кузницы.

Но этот первоначальный план так и остался в проекте; военные действия шведов заставили вместо простой верфи устроить верфь-крепость.

Шведы начали беспокоить вновь создаваемый Петербург чуть ли не с первого дня его основания. В дальнейшем изложении мы приведем вкратце сведения только о сухопутных походах шведов, оставляя без внимания их действия на возмывающийся Кронштадт.

В то время, как «на одном из островков (Енисари) Невского устья», — по словам С. М. Соловьева ⁷⁾, — «стучал топор; рубили деревянный городок; этот городок был Петербург» — недалеко от него, на реке Сестре, стоял шведский генерал Кроннорт с сильным отрядом в 12.000 человек. Такое близкое соседство неприятеля не могло не тревожить Петра Великого, и последний 7 июля 1703 года двинулся на реку Сестру с 4 драгунскими и двумя пехотными — Пресображенским и Семесновским — полками под начальством Чамберса. Несмотря на то, что шведы занимали сильную позицию, полковник Реп — первый петербургский обер-комендант — со своими драгунами овладел мостом и переправою; за Реном переправлялись и прочие полки, неприятель был опрокинут прежде, чем подоспели гвардейские полки, и, потеряв убитыми до 1000 человек, бежал к Выборгу ⁸⁾.

Таким образом, на первых порах Петру Великому удалось обеспечить существование вновь воздвигаемой Петропавловской крепости. Но шведы не хотели без дальнейшей борьбы уступить Петру Великому устье Невы и сделали ряд попыток нападения на Петербург в 1704—1705 г.г. ⁹⁾.

12 июля 1704 г. произошел сильный артиллерийский бой под Петербургом. Утром 12 июля на нынешней Выборгской стороне появился генерал Майдель с отрядом до 8000 ч. п., установив орудия против позиций Брюса, коменданта Петербурга. открыл артиллерийский бой. Генерал Брюс ожидал этого нападения, успел на берегу нынешней Петербургской стороны устроить линию обороны с батареями, на которых «довольное число пушек поставил». Четыре часа продолжалась перестрелка и привела Майделя к убеждению, что не так-то легко сбить русских с занимаемых ими позиций и что будет благоразумнее убраться из сферы поражаемости наших пушек. Майдель отступил от

Петербурга, но ненадолго. 5 августа он снова подошел к Петербургу, несколько ниже Ниеншанца (нынешняя Охта) и послал к Брюсу барабанщика с письмом, в котором требовал немедленной сдачи Петропавловской крепости.

«Не угодно ли господину генерал-поручику удалиться в свою землю, а меня таким писанием пощадить», — так характерно отвечал Брюс и выступил с частью своего гарнизона и пушками к Ниеншанцу. Сражения, однако, не произошло, и генерал Майдель 9 августа вторично отступил от Петербурга.

Еще раз тот же самый генерал появился у Петербурга 4 июня 1705 года и сжег три деревни на Каменном острове. По шведской диспозиции, в этот день шведский флот, взяв Кроишлот, разбив русский флот, должен был войти в Неву и начать бомбардировку Петербургской крепости. Однако, шведскому флоту не удалось выполнить этих предначертаний. У Кроиштадта ожидал его только что зародившийся русский флот со старым испытанным морским вице-адмиралом Крейсом. И Майдель, видя, что шведский флот потерпел неудачу, отступил от Петербурга лишь для того, чтобы через три недели — 23 июня 1705 года — возобновить снова свою попытку. В этот день шведы переправились через Большую Невку на Каменный остров, а почью подошли к Малой Невке с целью переправиться на Аптекарский. Но на последнем уже были русские окопы, и «через многую нашу стрельбу», на утренней заре сбили неприятеля с Каменного острова, и он «с великим поспешанием» ушел на Выборгскую дорогу.

Майдель сделал еще попытку — переправился через Неву, как бы желая двинуться в глубь Ингерманландии. Но ингерманландские драгуны, низовая конница Дмитрия Бахметева, казаки Михаила Зажорского, три полка пехоты и отряд Брюса принудили шведа спешно переправиться обратно за реку. Генерал Майдель сознал наконец такую невозможность нападения на Петербург с сухого пути с теми силами, которые были в его распоряжении.

Таким образом, хотя и вышеописанные шведские нападения, как и еще две попытки в 1707 и 1708 году, были неудачны, но они доставили много огорчений и хлопот первым аборигенам Петербурга, что ясно видно из немногих уцелевших до нашего времени писем.

«Чтно милости вашей ведомо, — писал Крейс К. А. Нарышнину от 28 января 1707 года ¹⁰⁾, — что мы здесь при Санктпетербурге живем, акн слепые люди, потому что ничем не уведомлены; ныне прошу вашего благочестия, позволъ нам уведомить о состоянии бытности вашей, також уведомить, что чипится в управлеиши против неприятеля».

А вот и еще характерные добавления к вырвавшемуся из глубины души воплю со стороны первоначальных строителей Петербурга. «Шведские полки подошли и стоят ниже Канец (т.-е. Охты), от нас неподалеку, стрельба от них из пушек по вся дни» (письмо Степанова Яковлеву от 28 июня 1705 года ¹¹); «шведские полки перешли через Неву (пишет тот же Степанов от 3 июля 1705 года) ¹²), и на порогах кирпичные заводы и, что было строения, все пожгли и уже ныне лесов ничего нет и в строении остановка» и, наконец, последняя выписка ¹³): «Ныне у нас в работах чинится остановка: Майдель по ведомостям в 8 тысячах войск от нас близко и шведские полки разъезжают по берегу реки Невы, по все дни против домов, на котором острове мы живем, также де в лесах работных людей от работы разгонивают, приезжают человек по 20 — 30 с ружьем неведомо какие люди, и оттого многие разбежались, а иные от страху на делах быть опасны».

Вышеупомянутые нападения шведов имели первым последствием полное изменение плана постройки Адмиралтейства. Вместо обыкновенной верфи решили строить крепость, в которой уже учредить верфь. Первое указание на изменение этого плана мы встречаем в письме Меншикова Яковлеву (последний надзирал за постройками в Адмиралтействе) от 24 июня 1705 года ¹⁴):

«Которое вновь строение заложено от Адмиралтейства в 60 саженьях, то все вели отнестъ и впредь, что подлежит строение от Адмиралтейского двора в 150 саженьях, для того, чтобы от пожару Адмиралтейскому двору было безопасно, а ныне для прихода неприятеля велено сделать около Адмиралтейского двора палисад, вал земляной против образца, каков послан по нынешней почте к Роману Брюсу».

Роман Вильямович Брюс был первый обер-комендант С.-Петербурга. В приведенном письме Меншикова, кроме распоряжения об устройстве крепости, есть еще и другое очень ценное указание — на образованную гласиса крепости — постройка от Адмиралтейства разрешена лишь в 150 саженьях, — из этого гласиса впоследствии появилась Адмиралтейская площадь. Распоряжение Меншикова пришло в разгар работ в Адмиралтействе, в котором первую постройкою был амбар для съестных припасов, заложенный 26 января 1705 года ¹⁵). К концу мая месяца того же года этот «амбар на припасы, на погребях, на длиннике 14 сажень» был готов. Кроме того, была готова часть светлиц для адмиралтейских рабочих, и «в 50 саженьях от Адмиралтейства» ставились избы для жилья мастеровых. Эти избы нужно было теперь перенести на другое место, бросить другие начатые работы и приняться за устройство крепости.

Меншиков писал, что план Адмиралтейской крепости был послан «по пынешней почте». Однако, этого плана в Петербурге долго не получали, и только 17 сентября Р. В. Брюс послал Меншикову такое письмо ¹⁶):

«Сего сентября в 17 день от Вашего Превосходительства чертеж привезен, как строить крепость около двора адмиралтейского, которое дело зачато сентября 20-го и для поспешия из фашин строить стапем, а дерном невозможно поспешить за опозданием времени. Против чертежа вышеупомянутого двора вымеряли и по размеру два бастиона далеко в реке будут, где $3\frac{1}{2}$ сажени глубины, которые пынешим поздним временем и за великими погодями (т.-е. дождями, бурями, наводнениями, поясным от себя) строить дало трудно и поспешить невозможно, а как скоро замерзнет река, то зачнем немедленно строить, а до того времени как те два бастиона строить стапем, будут сделаны два маленькие бастиона, как на чертеже показано».

Работы велись действительно «с великим поспешанием»: уже 12 октября, т.-е. менее чем через месяц по получении плана, Яковлев доносил Меншикову — «крепость около двора сделана и полисад во рву поставлен», а через пять дней, т.-е. 17 октября, тот же Яковлев просил вице-адмирала Крейса, тогда начальника нарождавшейся балтийской эскадры: «около адмиралтейского двора на новостроенной крепости и по больверкам для караула надлежит поставить пушек многое число, а пыне на адмиралтейском дворе пушек нет. Прошу, мой государь, прикажи, с кораблей и галер 6-фунтовые пушки собрав, для вышеописанных караулов прислать на время на адмиралтейский двор, а когда время их будет, возвратить попрежнему на корабли и они всегда готовы».

Очевидно, Крейс исполнил просьбу Яковлева, и последний, наконец таки, 15 ноября того же 1705 года писал с облегченным сердцем Меншикову ¹⁷): «При Санкт-Петербурхе на Адмиралтейском дворе милостию вашею все хранимо и кроме того двора крепость строением совсем совершилась и ворота подъемные и шпиди и по бастионам по всем пушки поставлены и рогатками обнесены».

Итак, после месяца упорной работы крепость была готова, но оказалось, что, собственно говоря, она не нужна. Непосредственных нападений на Петербург шведы уже не делали, а тут подошел 1709 год с «Полтавскою викториею», позволившей Петру написать следующие строки: «Ныне уже совершенно камень в основание Санкт-Петербурха положен с помощью божией» — таким образом следовало бы заняться переустройством крепости по прежнему плану в обыкновенную верфь, но Петру, видимо, так понравилась эта крепость, что он все свое царствование не

переставал о ней заботиться, заменяя временные, наскоро построенные укрепления прочными, фундаментальными, которые и просуществовали целое столетие: 25 мая 1806 года приступили к срытию валов ¹⁸⁾.

Как видно из вышеприведенного письма Яковлева, одновременно с устройством крепости велись и другие работы, причем в одно время с крепостью был закончен и «на ворота шпиз». Таким образом уже при первом появлении Адмиралтейства обозначился тот его план, который остался без перемены при всех последующих изменениях крепости и даже при уничтожении валов, при полной перестройке Адмиралтейства Захаровым, основная идея постройки — форма здания «покоем, обращенным к Неве, с башнею со шпидем на главных воротах» не была нарушена.

Первое время, до 1710 — 1711 годов, заботы Петра Великого были направлены главным образом на обеспечение Адмиралтейства от пожаров. Безусловно, вследствие постоянных указаний Петра — вице-адмирал Крейс писал 30 декабря 1708 года графу Апраксину, «великому адмиралтейцу», чтоб последний распорядился, «дабы хоромные строения, амбары, лавки 200 сажень отступить от берегу, понеже, — добавлял Крейс, — в пожарное время, от чего Бог спаси, флот великий страх имеет, о сем по вся годы я писал».

Еще раньше, 29 октября 1707 года, сам Петр осмотрел в гавани, где стоят корабли, по берегу реки Невы, хоромные строения, близ дока и на докладе об этом осмотре, против многих построек, своим характерным почерком написал: «Сломать». Большинство этих построек — «бани солдатские, избы караульные, избы солдатские», в которых «печи» или «обвалились» или «вовсе нет» — были сломаны, по одна постройка, как увидит читатель из дальнейшего изложения, уцелела, несмотря на категорическое распоряжение Петра — «сломать».

Все эти распоряжения завершились следующим собственноручным указом Петра от 5 февраля 1709 года ¹⁹⁾: «Великий, государь указал сим объявить, как и прежде сего объявлено было, чтоб около кораблей и прочих судов, также у галер в гавани, при Санкт-питер-бурхе, никакого огня не держать, также и табаку не курить, а с теми, кто в оном окажется виновец, будет бит: по первому приводу наказан 10 ударами у мачты, а с теми кто приведен будет в другой раз, оной будет под низ корабельный подпущен и у мачты будет бит 150 ударами, а потом вечно на каторгу сослан».

В этом указе современного читателя не может не поразить жестокость наказания: за второй привод, т.-е. за поимку во второй раз в курении в Адмиралтействе, кроме вечно каторги,